

Александр Восьмой

A man with a beard and mustache, wearing a dark overcoat, stands in a dimly lit room. He is holding a long, dark fur coat in front of him with both hands. In the background, a wooden bed frame is visible. The overall mood is somber and dramatic.

Коса 10. «Шуба, сшитая из тишины»

18+

Александр Восьмой

**Коса 10. «Шуба,
сшитая из тишины»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Коса 10. «Шуба, сшитая из тишины» / А. Восьмой — «Автор», 2026

У портного в захолустье есть шуба, которую нельзя шить при свете и нельзя кроить при свидетелях. Он шьёт её из тишины — из пауз между ударами сердца, из секунд, когда мать замирает у детской кроватки, из минут, когда человек не решается крикнуть. Кто наденет эту шубу, перестает звучать для мира — мир тоже перестает звучать для него. Но внутри шубы кто-то шепчет. Всегда. Беспрерывно. И голос этот — твой собственный.

Александр Восьмой

Коса 10. «Шуба, сшитая из тишины»

Глава 1. Портной, который жил после полуночи

В захолустье, где дорога забывает проезжие и поворачивает вспять, живёт портной Каспар. Днём он шьёт петухам пуговицы и хоронит нитки в земле — чтобы не шуршали. Но у него в сундуке, под тремя замками из речного льда, лежит работа, которую он не начал и не может закончить: шуба. Заказ пришёл без письма, без цены и без имени заказчика. Только приписка углём: «Свет — смерть. Свидетель — смерть. Шей».

Каспар не любил ночь. Не за холод и не за темноту — за то, что она давала голос вещам, которым голоса не положено. Скрипу половиц, шороху паутины по углам, тишине, что стекала с потолка, как густая смола. Именно ночью эти звуки складывались в слова. И слова эти всегда были обращены к нему.

Он ждал полуночи, как ждут приговора, который уже подписан, но ещё не оглашён. Ровно в двенадцать замки из речного льда тихо хрустнули и рассыпались в пыль — не от тепла, не от усилия, а сами по себе, будто время наконец-то решило, что срок ожидания истёк. Каспар знал: теперь выбора не будет.

Сундук открылся с долгим, тягучим вздохом, будто внутри кто-то наконец-то смог выдохнуть после столетий задержки дыхания. Внутри не было ткани — по крайней мере, такой, какую знал Каспар. Не шерсть, не мех, не кожа. Это были паузы. Тяжёлые, плотные, осязаемые. Они ложились в складки, как мокрый бархат, но не имели цвета. Они не отражали свет — они его поглощали. Если поднести к ним свечу, пламя не гасло, но становилось тише, будто стыдилось гореть так громко рядом с этой вещью.

Каспар достал из сундука иглу, которой никогда не касался. Она была чёрной, словно выкованной из тени, и остриё её не блестело — оно будто втягивало в себя любой отблеск. Нитка, лежавшая рядом, не имела конца и начала; она просто была, как бывает тишина в глухом лесу, где ни одна птица не решается подать голос.

Первый стежок он сделал, зажмурившись. И в тот миг, когда игла пронзила первую паузу, он услышал шёпот. Тихий, едва уловимый, похожий на эхо собственного дыхания, но чуть смещённый по ритму — как будто кто-то дышал одновременно с ним, но не в такт. Шёпот не произносил слов — он складывался из интонаций, из намёков на фразы, которые Каспар когда-то хотел сказать, но так и не решился.

«Ты начал», — прошептал голос. Или это прошептал сам Каспар? Он не мог понять.

Второй стежок дался тяжелее. Пауза сопротивлялась игле, будто была живой и не хотела быть сшитой. Когда нить стянулась, в комнате стало темнее — не как от угасания огня, а как от того, что само пространство сжалось, чтобы не видеть того, что происходит у стола. Каспар почувствовал, как его собственное имя стало звучать иначе — будто кто-то другой произнёс его в соседней комнате, и звук дошёл до него с опозданием, искажённым и чужим.

Третий стежок был самым страшным. Потому что в этот момент он понял: шёпот внутри шубы — это не чужой голос. Это его собственные невысказанные мысли, его страхи, его сожаления, собранные вместе и оживлённые этой странной тканью. Они шептали ему о вещах, которых он не помнил, но которые казались до боли знакомыми. О ночи, когда он не вышел из дома, хотя должен был. О слове, которое не сказал, когда это могло всё изменить. О тишине, которую он сам создал, отгородившись от мира.

Когда часы пробили половину первого, Каспар отложил иглу. Шуба была ещё незакончена, но уже существовала — как обещание, как угроза. Она лежала на столе, тяжёлая от чужих пауз, и казалось, что если прикоснуться к ней, то можно навсегда потерять свой голос.

Он поднялся, подошёл к окну и посмотрел на дорогу, которая забывала проезжие и поворачивала вспять. Где-то там, в темноте, кто-то шёл. Шаги были беззвучными — не потому, что человек старался идти тихо, а потому, что он уже перестал звучать для мира. И мир перестал звучать для него.

Каспар понял: заказчик пришёл.

Глава 2. Материал, которого нельзя коснуться

Каспар долго смотрел на шубу, будто надеялся, что при пристальном взгляде она станет обычной вещью — шерстяной, меховой, земной. Но она оставалась чуждой: не отражала свет, не принимала тень, будто сама была границей между тем, что можно увидеть, и тем, что лишь чувствуешь краем сердца.

Он потянулся к ней дрожащей рукой, но остановился в миллиметре от ткани. Ему вдруг показалось, что если он коснётся её, то услышит не шорох материи, а тишину — не ту пустую, что бывает в опустевшем доме, а плотную, густую, наполненную невысказанным. И эта тишина окажется громче любого крика.

Тогда он достал старую тетрадь, в которую когда-то записывал приметы и рецепты от старухи Марфы, жившей на краю леса. На пожелтевшей странице, почти стёртой временем, он нашёл строчку, написанную корявым почерком: «Тишину собирают, как росу: стебельком, в полночь, молча».

Слова ударили по памяти, как ледяной дождь. Каспар вспомнил, как однажды в детстве видел, как Марфа выходила в поле ровно в полночь. Она несла с собой тонкие стеклянные трубочки, похожие на те, какими аптекари набирают капли. И она водила ими над травой, будто ловила не росу, а сам воздух. Тогда мальчик подумал, что это какой-то странный обряд, и убежал, испугавшись темноты. Теперь же он понял: она собирала тишину.

Каспар вышел из дома, не зажигая фонаря. Ночь была густой, почти осязаемой, и каждый шаг отдавался не звуком, а отсутствием звука — словно земля поглощала его шаги, чтобы никто не узнал, что он здесь. Он шёл к тому самому полю, где когда-то прятался за кустом и подглядывал за старухой.

Когда он добрался до места, поле казалось вымершим. Даже ветер не шевелил траву — он будто обходил это место стороной. Каспар достал из кармана стеклянную трубочку, которую нашёл в сундуке вместе с шубой. Она была холодной, словно её только что вынули из льда, и на стенках оседали крошечные капли, хотя воздух был сухим.

Он поднёс трубочку к траве и медленно повёл ею над стеблями. Сначала ничего не происходило. Но потом он заметил, как над травинками зависает едва уловимое мерцание — не свет, а отсутствие света, тонкая грань между звуком и тишиной. Когда трубочка коснулась этой грани, раздался тихий звон — не металлический, а словно отголосок молчания, которое вдруг обрело голос.

Каспар почувствовал, как по спине пробежал холод, не от ветра, а от осознания: он действительно собирает тишину. Каждый пойманный кусок звенел от холода, как осколок льда, и в этом звоне слышались обрывки чужих пауз — секунда, когда мать замирает над детской кроваткой; мгновение, когда человек уже открыл рот, чтобы закричать, но ещё не крикнул; минута, когда кто-то решает промолчать, чтобы не разрушить хрупкий мир.

Он наполнил трубочку до краёв, и когда закрыл её пробкой, тишина внутри зашевелилась, будто хотела вырваться наружу. Каспар почувствовал, как в груди что-то сжалось — ему вдруг стало слышно, как молчат другие. Не слова, не шёпот, а именно молчание — тяжёлое, многосложное, полное невысказанного. Он слышал, как молчит дом на окраине деревни, как молчит лес за рекой, как молчит сердце человека, который боится признаться в чём-то даже самому себе.

Вернувшись в мастерскую, Каспар положил трубочку на стол рядом с шубой. Ткань будто потянулась к ней, как живое существо к источнику силы. Он взял иглу и сделал ещё один стежок, вплетая собранную тишину в полотно. И в тот момент, когда нить стянулась, он услышал шёпот — тот самый, что жил внутри шубы. Но теперь он звучал иначе: к его собственным невысказанным словам добавились чужие паузы, чужие страхи, чужие молчания.

«Ты собираешь не тишину, — прошептал голос, похожий на его собственный, но чуть искажённый, будто сказанный сквозь толщу воды. — Ты собираешь чужие мгновения, когда мир затаил дыхание. И чем больше ты их соберёшь, тем тише станет мир вокруг. Пока однажды он не замолчит совсем».

Каспар отшатнулся, уронив иглу. Шуба шевельнулась, будто вздохнула. И он вдруг понял: заказчик не просто хотел получить вещь. Он хотел, чтобы мир перестал звучать. А Каспар становился тем, кто помогал этому случиться.

В этот момент дверь скрипнула. Он обернулся, ожидая увидеть фигуру в темноте, но в проёме стояла не тень, а нечто ещё более пугающее — пустота, которая будто заняла место человека. И эта пустота смотрела на него, не моргая, не дыша, не издавая ни звука. Но Каспар всё равно слышал её — не ушами, а кожей, каждым нервом, каждой клеткой своего тела.

Пустота протянула руку — или то, что должно было быть рукой, — и указала на шубу. Смысл жеста был ясен без слов: работа должна быть завершена. И чем скорее, тем лучше.

Каспар сглотнул, чувствуя, как собственный голос застревает в горле, словно его уже начали стирать из мира. Он снова взял иглу. Потому что понимал: если он остановится, тишина, которую он собрал, поглотит его первым.

Глава 3. Свидетель

Деревня будто затаила дыхание. С утра воздух стал густым, как остывший кисель, и даже ветер, обычно трепавший ставни и гнавший по дороге сухую листву, обходил деревню стороной. А потом пришла она — девочка Вера.

Она шла по дороге, не поднимая пыли, и это было первым, что заметили старухи у колодца. Потом — золотой зуб, ярко поблескивавший, когда она улыбалась, будто в нём прятался кусочек чужого солнца. Но страшнее всего было другое: у неё не было тени. Ни при полуденном солнце, ни при дрожащем свете свечи, ни даже от костра, когда мальчишки пугали друг друга страшными историями. Тень у неё отсутствовала так же естественно, как у камня или у сухого пня, — будто её никогда и не полагалось быть.

К вечеру Вера уже знала, где живёт Каспар. Она не спрашивала, не заглядывала в чужие окна, не просила показать дорогу. Она просто шла туда, где тишина была тяжелее, чем в остальных домах. И остановилась у мастерской, где доски потемнели от времени, а петли на двери скрипели так, словно жаловались каждому, кто осмеливался войти.

Каспар в тот вечер сидел над столом, склонившись над шубой. Он не шил — он прислушивался. Ткань будто дышала, и каждый её «вдох» отзывался в груди портного холодом, от которого стыли пальцы. Он пытался не думать о том, что шьёт, и сосредоточиться на стежках, но шёпот внутри шубы становился всё настойчивее. Он шептал не слова, а ощущения: холод страха, тяжесть вины, пустоту, которая остаётся, когда не говоришь того, что должен был сказать.

И тут он услышал за спиной тихий, почти незаметный звук — не скрип половицы, не шорох мыши, а что-то вроде лёгкого выдоха, будто кто-то долго сдерживал дыхание и наконец позволил себе чуть-чуть расслабиться. Каспар резко обернулся.

В дверном проёме стояла Вера. Она не пряталась, не пыталась быть незаметной. Она смотрела прямо на него, а потом перевела взгляд на стол — и на шубу.

— Ты её слышишь, — сказала она спокойно, будто речь шла о чём-то обыденном, вроде дождя или ветра.

Каспар хотел крикнуть, чтобы она ушла, чтобы не смотрела, чтобы вообще не приходила сюда. Но голос застрял в горле, как будто его уже начали стирать из мира.

— Она шепчет, — продолжила Вера, шагнув внутрь, хотя её никто не звал. — И шепчет твоим голосом. Только ты не хочешь этого слышать.

Он хотел схватить ткань, накрыть её чем-нибудь, спрятать, стереть этот взгляд из памяти. Но не успел. Вера подошла ближе и протянула руку. Её пальцы замерли в миллиметре от материи — и в этот миг шуба будто потянулась к ней, как живое существо тянется к тому, кто его понимает.

А потом случилось непоправимое. Вера коснулась шубы.

Не надолго — всего на мгновение. Но этого хватило.

В ту же секунду в деревне разом замолчали все петухи. Не уснули, не спрятались, не потеряли голос от болезни — они просто перестали существовать как источник звука. Их крики, всегда возвещавшие рассвет, теперь будто растворились в воздухе, не успев родиться. Даже их хлопанье крыльями стало беззвучным, словно мир выключил звук именно для них.

Каспар почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод, не от ветра, а от понимания: он нарушил главное правило. Шубу нельзя кроить при свидетелях. Нельзя шить при свете. Нельзя, чтобы кто-то видел её до завершения. А теперь свидетель был. И он не просто видел — он коснулся.

Когда Вера опустила руку, в её глазах мелькнуло что-то, чего раньше не было. Не испуг, не восторг, а знание — тяжёлое, взрослое, будто она вдруг увидела то, что детям видеть не положено.

— Теперь она знает про тебя, — тихо сказала девочка. — А тот, кто заказал её, — знает про меня.

Каспар не успел спросить, что она имеет в виду. Вера молча повернулась и вышла, оставив за собой тишину, которая теперь казалась ему враждебной.

Ночью, когда деревня окончательно погрузилась во мрак, Каспар вышел на крыльцо, чтобы глотнуть воздуха, который ещё не успел пропитаться ужасом. И тогда он увидел это.

На двери мастерской, прямо над щеколдой, появилась новая надпись. Та же самая угольная небрежность, те же резкие, угловатые буквы: «Свидетель должен быть вшит».

Слова будто прожигали дерево, и от них тянуло холодом, как от проруби в середине зимы. Каспар провёл пальцами по буквам, и угольная пыль осталась на коже, чёрная и липкая, будто кровь чего-то давно умершего.

Он обернулся, вглядываясь в темноту, пытаясь разглядеть хоть какую-то фигуру, хоть тень, хоть намёк на того, кто оставил послание. Но вокруг была только тишина — та самая, из которой он собирал шубу. И теперь эта тишина стала тяжелее, плотнее, будто готовилась поглотить не только звуки, но и людей.

Вернувшись в мастерскую, Каспар подошёл к столу и посмотрел на шубу. Она лежала неподвижно, но он чувствовал, как она пульсирует, как внутри неё шевелится шёпот, становясь всё громче. И теперь в этом шёпоте он различал не только свой голос, но и голос Веры — тихий, детский, но такой же неотвратимый, как приговор.

«Свидетель должен быть вшит», — повторял шёпот. Снова и снова.

Каспар закрыл лицо руками, пытаясь заглушить этот голос, но он звучал не снаружи — он звучал внутри. И самое страшное было в том, что он начинал с этим соглашаться.

Глава 4. Первый шов

Ночь легла на деревню, как тяжёлое одеяло, глушащее даже шёпот ветра. Луна, обычно цеплявшаяся за крыши и выбеливавшая дорогу до белизны, сегодня была погашена — не облаком, не туманом, а чем-то иным, будто её просто стёрли с неба, оставив вместо неё холодную

прорезь пустоты. Именно в такую ночь, когда даже звёзды не решаются светить в полную силу, Каспар решился закончить работу.

Он задул свечу, и тьма в мастерской не стала абсолютной — она была наполнена движением: тенями, которые шевелились сами по себе, паутиной, что тянулась к столу, словно хотела стать частью узора, тишиной, которая теперь не просто висела в воздухе, а имела вес. Каспар сел за стол, положил перед собой шубу и взял чёрную иглу. Она будто сама легла в ладонь, привычно и зловеще, как будто ждала этого момента.

«Я не дам ей вшить Веру», — прошептал он, и собственный голос прозвучал непривычно тихо, будто уже начал растворяться в окружающем безмолвии.

Первый стежок дался тяжелее, чем все предыдущие вместе взятые. Тишина в ткани сопротивлялась, цеплялась за иглу, словно живая. Каспар чувствовал, как каждый миллиметр проникновения иглы отзывается внутри него — не болью, а замедлением. Он слышал собственное сердце: тук... тук... пауза... тук. И с каждым стежком пауза становилась длиннее.

Он прошивал тишину, но тишина прошивала его.

С каждым новым стежком мир вокруг становился чуть глуше. Сначала пропали звуки из деревни — далёкий лай собаки, скрип ставни у дома кузнеца, тихое бормотание старухи, которая всегда шептала заговоры перед сном. Потом исчезла тишина пространства — та, что бывает между звуками, — и осталась только плотная, вязкая пустота, в которой даже мысль звучала как крик, которому некуда лететь.

Каспар наклонился ближе к шубе, пытаясь разглядеть узор на подкладке. Раньше он не обращал на него внимания — думал, что это просто переплетение нитей, случайный рисунок. Но теперь, когда глаза привыкли к темноте, он увидел иное. Узор был не случайным. Это была карта. Карта его жизни.

Каждая петля, каждый узел обозначал событие: вот здесь — день, когда он впервые взял в руки иглу; вот здесь — момент, когда отказался от поездки в город, решив остаться в деревне; вот здесь — слово, которое он не сказал женщине, которую любил; вот здесь — страх, который он прятал под маской спокойствия. Узор шёл от прошлого к будущему, и будущее было почти готово: до пуговиц оставалось всего несколько стежков.

Пуговицы. Они были пришиты не к ткани — они были пришиты к судьбе. И когда последняя пуговица встанет на место, шуба закроется, и тот, кто её наденет, станет частью этой тишины навсегда.

Каспар провёл пальцами по узору, и вдруг почувствовал, как его собственная память начинает рассыпаться, как старая ткань под ножом. Он вспомнил лицо Веры — её золотой зуб, её отсутствие тени, её спокойный взгляд, в котором не было ни страха, ни осуждения, только знание. И понял: шуба не просто хотела вшить в себя свидетеля. Она хотела вшить его самого. Она уже вшивала его — стежок за стежком, превращая его жизнь в свой узор.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Паузы между ударами становились всё длиннее, и Каспар вдруг осознал страшную вещь: он не ускоряет работу, чтобы спасти Веру. Он ускоряет её, потому что шуба заставляет его это делать. Каждый стежок — это не его решение, это требование ткани, которая жаждала быть завершённой.

Он посмотрел на иглу в своей руке и увидел, как она блестит не металлом, а отражением его собственной тишины. И в этот момент он понял, что уже слишком поздно. Шуба не просто шьётся — она шьёт его. Она превращает его в часть себя, в узор, в стежок, в паузу, которую никто не услышит.

Рассвет подкрался незаметно, не светом, а лёгким изменением плотности тьмы. Небо начало сереть, и в этой серой полутьме Каспар увидел нечто, от чего кровь застыла в жилах: на подкладке, рядом с последним незавершённым стежком, появился новый элемент узора — крошечный силуэт девочки с золотым зубом. Вера уже была там. Не как угроза, не как жертва — как часть целого. Как деталь, без которой узор не будет полным.

Каспар уронил иглу. Она упала на стол с тихим, почти неслышным стуком — и этот звук показался ему громче любого крика. Он отшатнулся, но тут же почувствовал, как невидимая нить тянет его обратно к столу, к шубе, к незаконченному стежку.

«Ещё один, — прошептал шёпот внутри шубы, и на этот раз он звучал не как чужой голос, а как его собственный, только чуть смещённый, будто сказанный кем-то, кто уже перестал быть им. — Ещё один стежок — и всё станет правильным».

Каспар закрыл глаза, пытаясь удержать в памяти хотя бы одно слово, одно имя, одно чувство, которое принадлежало бы только ему, а не шубе. Но тишина уже плела свой узор, и он чувствовал, как его собственное «я» становится частью этого узора — ещё одним стежком, ещё одной паузой, ещё одним мгновением, когда мир затаил дыхание.

И когда первые лучи рассвета коснулись края стола, Каспар протянул руку и взял иглу. Не потому, что хотел этого. А потому, что не мог не сделать этого.

Потому что шуба уже шила его.

Глава 5. Праздник молчания

День, который в деревне называли Праздником молчания, наступал всегда неожиданно — не по календарю, а по знакам. По тому, как птицы вдруг переставали щебетать ещё с вечера. По тому, как дым из труб стелился по земле, будто боялся подняться и выдать чьё-то присутствие. По тому, как тени становились глубже и будто не хотели отпускать людей, когда те отходили от стен.

В этот день запрещалось всё, что могло издать звук. Говорить — даже шёпотом. Петь — даже про себя. Плакать — даже без слёз. Стонать во сне — потому что сон тоже считался частью деревни, и если ты стонал, значит, ты нарушал тишину, а тишина в этот день была не просто отсутствием звука — она была законом, почти божеством, которому приносили жертву своим молчанием.

Старики, собравшись у колодца, двигали только губами — так, чтобы воздух не дрожал, не рождал даже намёка на слово. Они шептали одними губами о том, что в этот день шуба выходит на охоту. Не на людей — на звуки. Она шла по улицам, не касаясь земли, не оставляя следов, не гнув траву. Она была бесшумна, как сама мысль, которую боишься произнести. И она выбирала тех, кто издал хоть звук — даже если это был не голос, а скрип половицы, кашель в горле, всхлип во сне. Тот, кого она выбирала, к утру становился тише. А потом — совсем беззвучным. И деревня принимала это как должное, будто так и должно быть: один звук — одна потеря.

Каспар в этот день не выходил из мастерской. Он сидел у окна, занавешенного плотной тканью, и смотрел, как по улице проходят люди — не как обычно, с разговорами и смехом, а с опущенными глазами, с напряжёнными плечами, с руками, прижатыми к груди, будто они удерживали внутри себя слова, готовые вырваться наружу. Он знал: шуба где-то рядом. Чувствовал это по тому, как воздух в комнате становился тяжелее, как будто его пропитывала чужая тишина.

А Вера ходила по деревне. Не пряталась, не сидела дома, не боялась. Она смотрела на людей, на дома, на пустые улицы, и её глаза были полны внимания — такого острого, что казалось, она видит не только то, что есть, но и то, чего уже нет.

К полудню она подошла к колодцу, где собрались старики. Они не поздоровались с ней, не кивнули, не улыбнулись — просто чуть подвинулись, давая ей место, будто её молчание было таким же весомым, как их многолетнее. Вера посмотрела на них, потом на землю, потом снова на них — и вдруг подняла руку, указывая на круг людей.

Она не сказала ни слова. Просто показала: один лишний.

Старики переглянулись, но не глазами — только лёгким движением бровей, едва уловимым, как дрожь на воде. Потом один из них, самый старый, с лицом, похожим на кору старого дуба, медленно покачал головой. Он не отрицал. Он признавал. Но не хотел об этом думать.

Вера подошла ближе и снова указала — теперь на каждого по очереди. Она хотела понять, кто именно стал лишним. Но лица стариков оставались пустыми, будто память о лишнем человеке уже была стёрта, как пятно с ткани, которое пытались оттереть до белизны, но в итоге стёрли саму ткань.

Никто не мог вспомнить, кто именно появился в деревне накануне. Не приезжий, не гость, не родственник. Просто ещё один житель — тот, чьё имя никто не мог назвать, чьё лицо никто не мог описать, кроме как «знакомое, но чужое». И самое страшное было не в том, что он появился, а в том, что его исчезновение никто не заметит — потому что он уже был частью тишины.

Вечером, когда солнце садилось, окрашивая небо в цвета угасающего огня, Вера вернулась к мастерской Каспара. Она постучала в дверь — не кулаком, а костяшками пальцев, так тихо, что звук был почти неразличим, будто он растворялся в воздухе, не успев родиться.

Каспар открыл дверь, и на мгновение ему показалось, что перед ним стоит не девочка, а сама тишина — в человеческом обличье.

— В деревне на одного больше, — прошептала Вера одними губами, так, чтобы даже воздух не дрогнул.

Каспар кивнул. Он понял.

— И никто не помнит, кто он.

Каспар снова кивнул. Он тоже знал это чувство — когда что-то есть, но его как будто и нет. Когда ты помнишь, что что-то случилось, но не можешь вспомнить, что именно. Это было похоже на то, как он чувствовал шубу: она была здесь, в мастерской, под тканью, но её как будто и не было — потому что она существовала не в мире, а в паузах между мирами.

Они вошли в мастерскую, и Каспар закрыл дверь, задвинув засов с тихим, почти неслышным щелчком. В комнате было темно, но не так, как бывает ночью, — это была особая темнота, плотная, густая, будто она была соткана из тех же пауз, из которых делалась шуба.

На столе, под тканью, лежала шуба. Каспар не смотрел на неё, но чувствовал её присутствие — как чувствуешь взгляд, даже если не видишь глаз.

Вера подошла к столу и осторожно приподняла край ткани. Шуба лежала неподвижно, но Каспар знал: она не спит. Она ждёт. Ждёт звука. Ждёт ошибки. Ждёт того, кто нарушит тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.